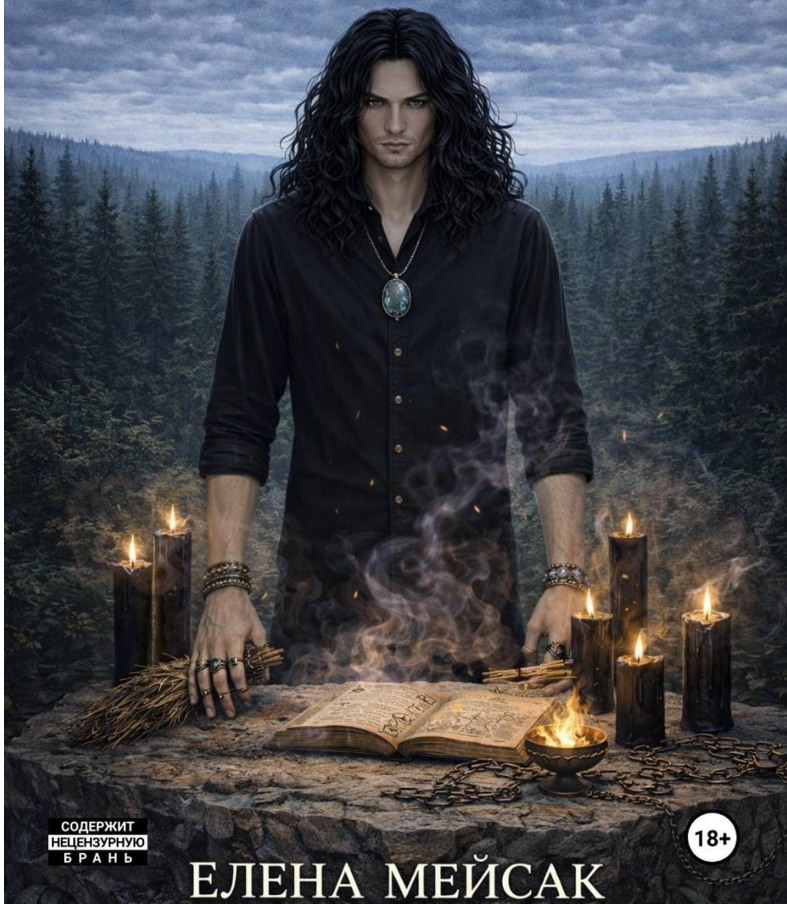

ДЕЛИЕЦ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЕЛЕНА МЕЙСАК

Елена Мейсак

Делиец

*<https://litres.ru/59490168>
SelfPub; 2026
ISBN 978-5-532-03802-8*

Аннотация

Потомственный колдун Делияр Ахматов, известный как Делиец, едет в турецкий город Аланья ради очень странного заказа. Он разыскивает мажора, ставшего причиной смерти четырех человек, но оставшегося на свободе. Ахматов молод, красив и порочен. Он работает ради денег, моральные принципы ему чужды. Но что же это за заказ, ради которого на карту поставлено все? Завораживающие морские пейзажи, красоты природы и даже любовь не имеют значения, когда ты в шаге от цели. Читателей ждут тайны, которые опаснее правды и страшнее мести. Можно ли остановить события, если точка невозврата пройдена? Содержит нецензурную брань.

Обложка создана искусственным интеллектом.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	54
Глава 7	71
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Елена Мейсак

Делиец

«Ты, кто жизнь дорогую по ветру пустил

И со смертью подчас непочтительным был,

Рассчитал ты свой путь наперед лет на двести,

Но у рока отсрочки на час не просил».

Омар Хайям¹

¹ Все события, места, обстоятельства и ситуации являются художественным вымыслом. Ни одно из упоминаний не является прямым указанием на что либо или кого-либо. Любые видимые или кажущиеся совпадения являются случайными. Книга содержит нецензурную брань и упоминания алкогольной и табачной продукции.

Глава 1

Небо рассыпалось прямо ему под ноги. Оно катилось к черту пурпурным и прозрачным, как слеза, переливом, сквозь зеркало луж осколками вонзаясь прямо в асфальт.

Только не это... только не сейчас... дьявол! Это не могло произойти с ним теперь, когда он был уже так близко к цели.

Сцепив зубы, он молча помог хрупкой девчонке собрать в пакет осколки несостоявшегося богемского счастья, так же молча поднялся с корточек и, не говоря ни слова в ответ на рассыпаемые ему с тем же переливом благодарности, направился к стоявшему неподалеку автомобилю.

Что-то капнуло на асфальт. Он что, порезался об осколок? Осмотрев руки и не найдя ничего подозрительного, он сообщил, что осколок порезал его черный пластиковый кулек, в котором лежал мертвый петух.

Нужно было срочно избавиться от пакета, иначе ему несдобровать. Хотя поднимавшаяся из глубины души мелкодисперсная муть уже означала, что что-то пошло не так.

Каждый раз, когда он проводил этот обряд, вечно все шло не так. Каждая новая попытка год за годом тянула из него моральные и физические силы, крученой веревкой наматывая на бобину греха.

Он рос, совершенствовался и креп, буквально на глазах превращаясь из покрытого редким пушком лысого птенца

в остроглазого и длинноклювого орла, становился сильнее, расчетливее и жестче.

Но каждый раз, когда он хотя бы на полмили пытался приблизиться к этому человеку, всё на этом прогнившем свете шло откровенно не так.

И лишь сегодняшний день давал ему шансы на успех. Кристально ясное полнолуние могло бы раз и навсегда очистить его от скверны, пригретой в душе, но, кажется, силы не поддержали его и теперь.

Годами вынашиваемый план борьбы за справедливость осыпался прямо на асфальт вместе с одиноким пурпурным небом.

Именно об этом он размышлял, безмолвно подходя к черному Инфинити. Щелкнув смарт-ключом, мыслитель с пакетом как-то слишком задумчиво открыл массивную дверь.

– Командир, дай закурить, а? – прохрипел незнакомый голос позади него.

О, этому уже и удивляться не стоило. Было бы куда забавнее, если бы подобной просьбы не поступило.

Сцепив зубы еще крепче, он, проскользнув в пахший новой обивкой салон, спешно забаррикадировался внутри и, прижав палец к биометрическому датчику, разблокировал двигатель.

«Нет, ну почему опять?» – с досадой чертыхнулся он, отъезжая с парковки.

В этот самый момент он не смог удержаться от того, чтобы

по привычке не посмотреть в зеркало заднего вида.

Одинокая мужская фигура, ссутулившись, медленно брела к воротам городского кладбища.

Пакет с петухом покоился на коврике справа, источая тонкую струйку крови на прорезиненную поверхность. В нос резко ударил запах спирта. Твою мать!

Внутри него все начинало закипать, словно в старом электрочайнике с оптового рынка, грозя спалить все вокруг вместе с проводкой.

Он умудрился еще и бутылку разбить!

Похоже, его злоключения, несмотря на все самые смелые ожидания, обогнув кривую бесконечности, побежали по новой петле.

Зачем он посмотрел в зеркало, зачем? Понятное дело, что без зеркала заднего вида в машине не обойтись. Так почему же он не пришел сюда пешком?!

Одинокая фигура не давала ему покоя, терзая колючими шипами предчувствия.

До дома было далеко.

Навигатор показывал, что по привычному маршруту растеклась длинная очередь, плавать в которой совсем не хотелось.

Вновь взглянув в зеркало, мужчина поправил темные волосы, волной спадавшие на плечи, взглянул в свои же собственные красиво очерченные глаза и, слегка вздохнув, выкрутил руль влево, свернув на параллельную улицу.

Черт! И здесь тоже затор.

В жадной попытке проскочить на мигающий зеленый он уперся затору в хвост, да так и остался стоять посреди дороги, перекрыв движение.

Даже не давая себе труда представить, каким словами его в самое ближайшее время начнут поливать люди с соседней дороги, он достал из бардачка пачку сигарет и зажигалку.

Подумав немного, он отложил их на сиденье справа. Успеет еще. Он никогда не курил в машине, не выносил этот вид и запах прокуренной грязной общаги. Его раздражала одна только мысль о переезде общаги в Инфинити.

В этот момент он почувствовал, что устал. Откинувшись на спинку кресла, он приготовился к очередной дорожной ругани, как вдруг заднюю часть автомобиля сотряс мощный удар. Кто-то, похоже, спешил на запруженный перекресток еще сильнее него.

И кто бы это ни был, ясно стало одно: еще один обряд из десятков, если не сотен других, был беззастенчиво сорван. Вне себя от раздражения он выскочил из машины.

Водитель, а точнее водительница из атаковавшего его автомобиля, потупив взор, вылезла наружу. Его глазам предстала заклеванная жизнью грузная тетка весом центнера в полтора. Капающая салом прическа своим фрактальным видом могла испугать самого Деймоса, греческого бога ужаса.

Машина ее вообще не поддавалась определению. Какой-то то ли «Москвич», то ли «Жигуленок», то ли иной пе-

режиток прошлого века стоял перед ним враскорячку.

Передняя ось, на которой, очевидно, из последних сил держались колеса, от удара сломалась, и теперь это покоцанное исчадие прошлого виновато стояло здесь, зацелованное ударом, вывернув наизнанку переднее колесо.

– Уважаемая, вы, никак, очки дома забыли? – глубокий баритон нарушил хранимый доселе обет тишины.

Похоже, что уважаемая и сама была порядком напугана произошедшим, а когда увидела, в какую именно машину умудрилась въехать, задрожав мелкой дрожью, попятилась назад.

– Вы в порядке? – спросил он, заметив, что из мясистой губы липовой гонщицы сочилась кровь.

Похоже, эта дура слишком залюбовалась собственным отражением в зеркале заднего вида, чтобы заметить запрещающий сигнал светофора. От его взгляда не укрылось, что пухлая рука в перевязочках нервно теребит телефон в недрах плаща.

Селфи, что ли, делала, гнусная вертихвостка?

– Д-д-да, я в порядке – пробормотала она, – а вы?

Не услышав ответа и пару секунд помявшись, она спросила:

– Как я могу возместить вам ущерб? У меня... у меня просрочена страховка. Но я могу продать дачный участок, чтобы оплатить ваш ремонт. Или я могу сделать для вас что-то еще?

Испепелив взглядом эту глыбу, он вернулся в салон, достал из него пакет с петухом, сигареты и зажигалку и вернулся обратно. Сплющенный задок Инфинити кричал вселенским беспределом.

Закурив, пострадавший сощуренным взглядом из-под пушистых темных ресниц окинул ее испуганное лицо.

– Надеюсь, под чем-то еще вы не предполагаете пару жарких ночей с вами в придорожном мотеле, – безглаголиво процедил он, выдыхая дым себе под ноги. – Вы даже не представляете, какой ущерб нанесли мне сегодня. Что стоит Инфинити по сравнению с выброшенными на свалку годами жизни, кучей истраченных денег на обряды, которые не сработали, и обратной отдачей вроде нашей с вами сегодняшней встречи?

Выдержав небольшую паузу, он подошел к ней ближе, и, взяв ее рукой за подбородок и заглянув в испуганные глаза, пробормотал: «И все это вместе не стоит того урока, который я сегодня получил. Поэтому все, что вы можете для меня сделать, это отогнать мою машину на какую-нибудь свалку, чтобы она не загоралась больше этот обесчещенный вами перекресток».

Сказав это, он вложил в ее дрожащую руку смарт-ключ и пошел прочь. Дойдя до середины перекрестка, он вытащил из пакета обезглавленного петуха и оставил прямо на дороге.

Незадачливая водительница глядела ему вслед, так и не в силах понять, что же здесь только что произошло, с кем и

зачем ее свела судьба.

А силуэт мужчины тем временем растворился в одном из близлежащих продуктовых магазинов, в котором была куплена новая бутылка водки взамен той, что погибла в пакете. И после некоторых раздумий кассира попросили пробить еще одну.

Выйдя из метро на конечной станции, мужчина достал новенький смартфон и заказал через приложение такси до дома.

И уже сидя в тепле, согретый уютным добродушием кассира и изрядной дозой водки, он вдруг почувствовал, что его колотит мелкая дрожь.

Все, так больше продолжаться не может!

Это было и ему понятно. Включив ноутбук и отставив стопку в сторону, он, затуманенным взором оглядывая мерцавший монитор, набрал лишь одному ему известный адрес.

Ровно через неделю, закрыв деревянную калитку и небрежно бросив ключ от дома в висевший на заборе почтовый ящик, он вынес дорожную сумку и отдал ее водителю такси, который уже с полчаса дождался его у ворот.

Глава 2

Небольшой микроавтобус стоял в ожидании последнего пассажира утреннего рейса, урча заведенным двигателем. Из его железного брюха доносился недовольный гудеж.

Вечно найдется идиот, забывший задекларировать что-нибудь важное, и чей чемодан, словно желудок перепившего на дискотеке студента, до дна выворачивается прямо себе под ноги.

Кто-то уже представлял летящие на пол свежие носки, белье, вечернее платье из мягкого бархата и пачку презервативов, в которой пограничники обязательно найдут незадекларированные вещества, оружие с глушителем и толстую пачку денег. Эти пассажиры ведь тоже смотрели сериалы, а потому знали наверняка.

Солнце перемещалось с линии горизонта вверх и на запад, ласковыми лучами нагревая поверхность земли. Терпение пассажиров автобуса нагревалось вместе с ней. Еще через полчаса люди начали возмущенно требовать у не понимавшего ни слова по-русски водителя немедленно тронуться в путь, оставив опоздавшего разбираться со своими проблемами самостоятельно.

Для многих рейс этот был самым невменяемым в жизни. Назначенный на десять вечера, он состоялся лишь в пять утра, вынудив людей провести бессонную ночь в московском

аэропорту. По новому курсу доллара многим стало не по карману коротать время в дьюти-фри и ресторанах, поэтому они коротали его на полу, поочередно сменяя друг друга.

Все чего им хотелось сейчас, это, приняв теплый солончатый душ, переодеться в купальники и, прикорнув под тентом на пляже, начать уже, наконец, обниматься с Морфеем.

У несносного опоздальца могли быть самые важные на свете причины, но сейчас хотелось просто сгрести эти причины в кучу и сжечь, словно старое сено, даже не сдобрив бензином на прощанье.

Грузному мужчине за баранкой и без переводчика было понятно, что если изъять еще немного из их резервуара терпения, то его нехитрое транспортное средство загорится силой гнева сидящих в нем пассажиров.

Поэтому он послушно повернул ключ в замке зажигания, выжал сцепление и, переключив передачу в коробке, нажал на кнопку закрытия дверей.

И когда двери уже начали со скрипом смыкаться, в них пролезла ловкая мужская рука с нанизанной на длинные худые пальцы дюжиной колец. Рука пыталась разжать тиски, в которые невольно попала.

Чертыхнувшись, водитель надавил на кнопку вновь. Дверь, разжав стальные челюсти, разверзлась, впустив в чрево автобуса высокого мужчину, взлетевшего по ступенькам.

Склонившись в жесте извинения, мужчина, слегка пригнувшись, проследовал в хвостовую часть салона.

«Sero venientibus ossa!²» – сверкая глазами, процедил он, протискиваясь по узкому ряду между креслами.

Усевшись на заднем сиденье возле окна, он снял пальто и, смотав его в валик, подложил под голову, пытаясь хотя бы немного поспать.

Поездка была просто омерзительной. Рейс задержали на семь часов якобы из-за какой-то поломки. А там кто его знает. Со времен школы он не летал ни чартерными рейсами, ни экономическим классом. Но этот чартер был частью финала его большой игры, которую можно было только терпеть, но нельзя было остановить.

Он знал почти наверняка, что пилот этого волшебного самолета просто забыл о рейсе, развлекаясь с любовницей вдали от жены. Но сейчас это не имело никакого значения.

Очередь на регистрацию напоминала очередь в усыпальницу вождя, которую раньше то и дело показывали по их пузатому телевизору.

Позади него пристроился редкостно мерзкий мужик, во рту которого, похоже, покоились чьи-то забытые останки. Он чувствовал, что перед ним не сиделец, но что-то было с этим мужиком явно не так. Запах из его рта был просто за гранью добра и зла.

Подойдя к стойке регистрации и протянув изрядно затисканный множеством пальцев загранпаспорт, он, умоляющим взглядом взглянув в глаза хозяина стойки, попросил поса-

² Опоздавшим – кости (лат.)

дить его подальше от экземпляра сзади.

Мужик понимающе кивнул. И ровно через два часа воючий пассажир обосновался в соседнем кресле, с улыбкой в восемнадцать оставшихся зубов, блуждавшей в дебрях седины на впалых щеках.

Мужик попался, как назло, крайне разговорчивым, пресекая новой смердящей волной каждую его попытку поспать. Еда была гадкой, но он уже знал, что на других чартерах, предложенных ему агентством, она была еще гаже.

Поэтому он просто прожевал резиновый рис, запив его растворимым кофе, а сосиской попытался закрыть рот неугомонному эрудиту слева, которого интересовали все экзистенциальные вопросы, начиная от грехопадения первых людей и заканчивая грядущими выборами депутатов в Центральной Африке.

Мужик сосиску в дар принял, но успокаиваться не пожелал. Оставалось только съежиться, завернувшись в пальто, и таким незатейливым способом доехать до места.

При выходе из аэропорта его остановил таможенник, за чем-то попросив открыть сумку. И еще полчаса пришлось вести переговоры на предмет лишнего алкоголя, который он вез.

Переговоры прошли крайне неудачно, близлежащая урна поживилась ровно половиной его арсенала, после чего его, наконец, отпустили.

Сон не шел. Он протянул руку к сумке, выудив оттуда ма-

ленькую бутылку с коньяком, открыл ее и хлебнул прямо из горлышка.

На заднем сиденье было скучно. Пассажиры слева, пожилая пара, держались особняком и со странным долговязым соседом заговаривать не спешили.

И почему ему досталось это место! Он бы с удовольствием сейчас сел рядом вон с той симпатичной блондинкой с переднего сиденья. Шелк ее волос был стянут в тугую косу, к которой рука сама тянулась, чтобы развязать ленточку и нырнуть в струящуюся массу... Тьфу ты!

Он уставился на пролетающую за окном зелень придорожных кустов. Рядом с блондинкой уже сидел какой-то задрот и натужно пытался завязать с ней знакомство, которое его попутчицу явно тяготило.

Не дождавшись номера телефона, дрыщ вышел возле какого-то задрипанного отеля.

Через два часа пути они, наконец, смогли покинуть автобус. Он размял затекшие ноги и быстро догнал водителя, который, несмотря на свои габариты, довольно шустро бежал в направлении входа с чемоданами блондинки и еще какой-то одинокой грустной теткой, приехавшей вместе с ними.

Добравшись до стойки ресепшн, он плюхнул на нее почти затертый до дыр паспорт.

– Не забудьте про мою просьбу.

Молоденькая темноволосая девушка в удивлении раскрыла паспорт и порылась в компьютере.

– Делияр Ахматов?

Девчонка начинала его раздражать. «Нет, Микки-Маус!», – захотелось громко рывкнуть на весь вестибюль. Вместо этого он продолжал молча смотреть ей в глаза. Потом достал бутылку и прихлебнул из нее вновь.

– Ваш эээ... ваучер можно?

Он достал из кармана телефон и протянул ей.

– А вы что, распечатку не привезли?

– Ваучер у меня в телефоне. Это и есть моя распечатка.

Заглянув в телефон, девушка, наконец, протянула ему анкету и ручку.

Заполняя бумаги, стоявшая рядом блондинка с шелковистой косой украдкой бросала на него любопытные взгляды из-под прищуренных ресниц.

Однозначно интересный мужчина, но до чего же странный! Ростом высокий, худощавого телосложения, но при этом широкоплечий. Одет скорее дорого, насколько это удалось разобрать.

Судя по тому, что он показывал бронь на самой последней модели телефона с яблоком, за которую его почему-то не удавили прямо в магазинной очереди, он явно не бедствует. Хотя и это тоже неоднозначно. Ведь известно, что самые на вид не бедствующие столичные граждане часто оказывались обмотаны кредитами, словно моль – коконом. Только в отличие от моли этот кокон превращал их в папертников, а не в куколок.

На голове у яблочника красовалась странная шапка а-ля «Боб Марли», с яркими разноцветными полосками. Несмотря на жару, он ее не снимал. Одет он был в черные брюки-дудочки и черное пальто, под которым скрывалась простая черная рубашка, застенчиво намекавшая на спрятанное под ней множество шнурков.

Какие тайны они скрывали, эти шнурки, интересно? На длинных, тонких пальцах незнакомца красовались как минимум две дюжины самых разных колец.

В левой руке он держал бутылку с коньяком, из которой без конца прихлебывал. Вообще, мог бы и потерпеть до номера. Алкоголь здесь явно не приветствовался, тем более его распитие на улице. Но ее попутчику, казалось, было на это жестко наплевать, как и на то, что они все его прождали почти час в душном автобусе.

Кто был перед ней? Модель? Неизвестный актер столичных театров? Богемный художник? Танцовщик? Сутенер? Мальчик по вызову?

Судя по залегшим под глазами теням, перед ней был самый обычный алкоголик, один из папенькиных сынков-мажоров, несостоявшийся бизнесмен или политик. Пропивает папенькины деньги, наверное.

Она резко остановила бурлящие в голове мысли. Какая разница, кто он и чьи деньги пропивает? Оценивает его, словно перед ней – будущий муж. Да у него и женщин, небось, пруд пруди. Куда ей до них.

Она подписала анкету и положила лист на стойку.

Дождавшись, пока все остальные туристы справятся с этой невзыскательной работой, девушка-администратор спросила: «Вас вместе селить?».

Незнакомец, доселе пребывавший в какой-то сонной летаргии, услышав это, даже вздрогнул.

– Кого вместе селить?

– Ну как кого? Вот же у меня в компьютере написано: номер на двоих, гости: Делияр Ахматов, Наталья Хоггарт.

– Послушайте, я не знаю, что у вас тут за бедлам, но разберитесь уже с этим как-то. Я у вас тут надолго, писал вам перед вылетом, просил номер с видом на море. А вы, как я погляжу, не только имели неосторожность не заметить моей просьбы, но и хотите подселить ко мне неизвестно кого!

Брови блондинки взлетели.

– Простите. Я не хотел вас обидеть, просто вырвалось, – в замешательстве пробубнил он попутчице.

И вновь развернул корпус в сторону рецепции.

– Решите это уже как-нибудь, и побыстрее!

Извинившись за небольшое недоразумение, администраторша пообещала все уладить, пригласив их, тем временем, в главный ресторан на обед, который уже почти подходил к концу.

– А здесь неплохо! – поев, ее новый знакомый заметно полюбил. – Смотрите-ка, даже коньяк есть. Невероятно! Никогда не видел, чтобы коньяк можно было брать целыми бу-

тылками.

Он привстал из-за стола.

– Вам принести?

– Спасибо, принесите лучше мандаринов.

Вернувшись с коньяком и мандаринами, источавшими кислотоватый цитрусовый запах даже через шершавую кожуру, он, сняв пальто и небрежно бросив его на соседний стул, спросил:

– Вы сюда отдыхать?

– Нет, я буду здесь работать аниматором, а вы?

Немного замявшись, он ответил, неспешно очищая мандарин:

– Как интересно. Я тоже буду работать аниматором на вечерних программах.

– И что именно делать будете?

Он посмотрел ей прямо в глаза, продолжая чистить мандарин. Запах волшебства окутывал ресторан цитрусовым флером.

– Они потрясающие, правда?

– Кто?

– Мандарины. На вид – совершенно зеленые, а на самом деле – спелые. И такие вкусные! Можно есть их и есть.

Ей стало обидно, что он ускользнул от ее вопроса, словно змея.

– Вы в первый раз в Аланье?

– Нет, а что?

– Тогда вдвойне удивительно, что вы не в курсе. Местные мандарины всегда такие. Но почему Турция?

– Просто в этот отель было проще всего устроиться, а работа мне сейчас очень нужна. Вообще, жарко как-то здесь, – допив очередную рюмку, он ленивым движением стянул божомную шапку с головы и положил рядом с образовавшейся на столе горой мандариновой шелухи.

Волнистые волосы водопадом устремились к плечам. Она бесстыдно разглядывала его. Темные глаза, правильные черты лица, хорошая фигура. Надо бы покопаться в интернете, вдруг что-то о нем интересного найти удастся. Например, почему модель из какого-нибудь модного дома коротает свои дни, работая аниматором в богом забытом провинциальном отеле, пусть и пятизвездочном?

– Как вы сказали, вас зовут?

– Ах да, нам же даже познакомиться нормально не дали, сразу записав в сожители. Меня зовут Делияр.

– Редкое имя. И красивое.

– Вообще-то я – Дилияр. Дилияр Ахматов. Просто в наших ЗАГСсах... ошиблись, одним словом. Нет, не тот самый, нет, – его глаза блеснули озорным блеском. Или пьяным? – В школе мне дали прозвище Делиец, наверное, имя мое нелегко давалось потомкам въехавших в светлое будущее пролетариев. А вы вот Наталья. Но фамилия у вас Хоггарт. Вы – не россиянка?

– Если звезды лягут правильно, я вам и это тоже расскажу

как-нибудь. А сейчас мне пора.

– В каком номере вы остановились?

– В 076. А вы?

– В 067, этажом ниже.

Они доехали в лифте до его этажа.

– Увидимся!

Вставив магнитный ключ в замок, он краем глаза увидел, как она вышла из лифта на седьмом этаже и направилась в противоположную сторону.

Бросив сумку в кресло, он подумал, что как-то неловко вышло, что они заселялись вместе, но ему дали номер с видом на море, а ей – с видом на соседний корпус того же отеля. Надо было попросить и ей номер с красивым видом, что ли.

Однако собственные мысли вскоре унесли его прочь и от новой знакомой, и от ее номера. Времени у него очень мало, и чтобы успеть сделать то, что он задумал, нужно было поторапливаться. Еще очень многое предстоит подготовить, не говоря уже о том, что здесь придется еще и работать, чтобы не вызвать подозрений.

Наутро за завтраком она его не увидела. Наталья угостилась божественно пахнущими блинчиками с кленовым сиропом. А вот кофе оказался просто отвратительным. Похоже, здесь бодряжили растворимый, какой позор для пятизвездочного отеля!

До вечерней смены было еще полно времени, и она хотела было полазить в интернете в поисках информации о своем

новом знакомом, но потом отмела эту мысль.

Что ей это даст? Допустим, она узнает, что он все эти годы работал моделью, а потом в пух и прах проигрался в каком-нибудь казино. Что с того?

Лучше потратить это время на что-то стоящее.

Решив это, она надела купальник и отправилась на пляж.

Вода была теплой и приятной, солнце – ласковым, и в неспешном беге дневных минут она стала забывать о том, что привело ее сюда, и о кислотно-едкой горечи последних лет, разъедавшей душу, словно царская водка – металл. Она вздохнула. Да уж, отдых бы не помешал.

Вечером, закончив работу по развлечению туристов и их детей, она вернулась на пляж, чтобы посидеть в одиночестве, но едва устроившись, чуть не подпрыгнула от неожиданности.

Через два лежака, скрытый темнотой, лежал ее новый знакомый. В руке он держал бутылку с коньяком и думал о чем-то своем. Взгляд его был недвижимым, пустым. Он смотрел куда-то в черную ткань моря, ничего не видя и не слыша вокруг.

Пока она размышляла, стоит ли ей его окликнуть или не стоит, он закончил релаксацию, приподнялся с лежака и, так и не заметив ее, направился, пошатываясь, в сторону отеля.

Глава 3

Отель ей не нравился. К персоналу в нем относились, как к ломовой лошади, которую кормить не кормили, но зато исправно хлестали по выпирающим из тощих боков костям. Хлестали до тех пор, пока эта самая лошадь не отбрасывала копыта от голода и безысходности.

Им с Делийцем повезло куда больше.

Они – внештатные аниматоры, их хлестали только по вечерам. Отработав смену, они получали деньги наличными и отправлялись восвояси с надеждой, что завтра все продолжится.

А вот тем, кто нанялся сюда на полную ставку, не обзавидуешься. Работать приходилось с раннего утра и до поздней ночи. За любую ошибку и даже просто малейшую провинность их штрафовали и лишали выходных и премий.

Немудрено, что лица официантов в главном ресторане были крепче и шершавее мальтийских мегалитов, а на столах то и дело попадались не только надколотые чашки, но и вконец разбитые бокалы, сверкавшие острием осколков в свете хрустальных гостиничных люстр. Думать о том, плюют ли официанты в кофе, и вовсе не хотелось.

Да и вино, похоже, здесь нешуточно бодряжили с самой обычной водопроводной водой. И если розовое еще можно было как-то пить, то красное было сущей помойкой на вкус.

Замены упавших навзничь ножей и вилок можно было прождать до наступления Апокалипсиса, и даже чаевым, которые таинственно испарялись уже через полсекунды, не по силам было решить столь деликатный вопрос.

Она была готова биться об заклад, что все это туристам понравиться не могло, и они то и дело жаловались на обслуживание, осложняя этот и без того обоюдоострый вопрос.

Похоже, туристов здесь недолюбливали, и отель с минуты на минуту ждало снятие звезды, а то и нескольких сразу. Их с Делияром не жаловали тоже, причисляя к бездельникам-туристам.

Отчасти это было правдой, ведь работали они намного меньше, а зарабатывали куда лучше. Делиец, отработав смену, исчезал в неизвестном направлении. На завтрак он не вышел ни разу, появляясь на радарх ее зрения, в лучшем случае, к обеду. Иногда он выглядел злым и неприлично помятым, а иногда его глаза светились каким-то странным, лишь ему понятным блеском.

Потом ее несостоявшийся сосед по комнате обедал и вскоре исчезал снова. Второй раз она его видела лишь вечером, когда тот отправлялся на работу. Работали они в разных корпусах, и, по обыкновению загадочно улыбнувшись ей, он растворялся в недрах ночи.

Контингент отеля ей не нравился тем более. Судя по всему, этот отель лишь волей лихого случая дорвался до звания

пятизвездочного. Старую собаку новым трюкам не научишь – так говорится в пословице. И если отель когда-то был трехзвездочным, за одну ночь в элитный его не превратит даже добрая фея.

Старые привычки остаются на месте, хоть язык в узел завяжи. Да и сам отдых, видимо, стоил недорого, потому что люди обитали здесь явно небогатые: пенсионеры с разных окраин мира, с внуками и без, студенты и иногда молодежны.

Глядя на так называемых новоиспеченных мужей, она была готова биться об заклад, что как минимум половина из них хотела попросить своих невест вернуть им деньги за свадьбу и отдых, да не решалась.

Ну и, конечно, еще местные жители, приехавшие на побережье отдохнуть от столицы. Некоторые приезжали семьями, а некоторые отдыхали от столицы одни. И вот эти самые одинокие отдыхающие и доставляли ей больше всего беспокойства.

В Москве на нее уже давно не обращали такого внимания. А здесь она чувствовала себя не в своей тарелке. Столичные постояльцы с ней все время здоровались, даже если видели ее уже десятый раз на дню, зазывали на кофе в пляжный бар, заводили беседы, а иногда даже дарили розы. Хотелось надеяться, срывали они их не с клумбы у соседнего корпуса.

Она традиционно отказывалась от заманчивых предложений и ограничивала светские беседы скромной улыбкой. Но

по канонам любого маркетинга все, что пользуется спросом, начинает вскоре пользоваться еще большим спросом.

Так, через некоторое время, видя ее неоспоримую популярность, к ней стали подкатывать и другие гости отеля, включая даже ее соотечественников. Некоторые умудрялись оставлять на лежаках своих жен и детей и подходить к ней все равно.

Она уже и не знала, куда девать себя от этого непрошенного и столь навязчивого внимания. Но с другой стороны, сезон был слишком коротким, песок – чересчур манящим, а море – непередаваемо ласковым, так что отказываться от дневных походов на пляж из-за клейких взглядов его обитателей казалось ей просто кощунственным.

Вот и сегодня она, несмотря ни на что, пошла на пляж и задержалась на нем почти до темноты. Вдоволь накупавшись, она сидела на дощатом понтоне и наблюдала за погружавшимся в море солнцем.

Она много где бывала и видела несчетное количество самых разных закатов, но ни один из них не мог сравниться с закатом на здешнем побережье Средиземного моря.

Огромное солнце, лениво скатываясь к горизонту, становилось сначала цитрусово-оранжевым, а затем, приближаясь к кромке моря, стыдливо краснело и утекало под воду, превращаясь в пурпурное пятно по дороге.

Она наблюдала за ним каждый день, и в такие моменты казалось, что на свете больше нет никого: только ты и солн-

це, ты, песчинка в космическом пространстве, и повелитель галактики, вы разговариваете друг с другом лишь на вам одним понятном языке.

Когда космический владыка исчезал за горизонтом, побережьем овладевала темнота, и последняя гостя на пляже, надев платье и собрав аксессуары, отправлялась в номер, чтобы перевоплотиться в тот образ, который был предначертан ей вечерним рабочим расписанием.

Сегодня она слегка задержалась, потому что в лучах как обычно неповторимого заката показалась стайка дельфинов, резвившихся среди волн.

Хозяева вечернего моря грациозно выпрыгивали из воды, запечатлевались на фоне угасающего солнечного диска и точным броском погружались обратно.

Поболтав между собой на недостижимом человеческому слуху эсперанто китовых, они выпрыгивали вновь, услаждая взоры.

Не заметив, как за этим увлекательным занятием пробежало еще полчаса, Наталья спешно собралась, ругая себя за беспечность.

Еще бы, теперь она не успеет поужинать! Лишь бы хватило времени привести себя в порядок да не опоздать на работу.

Едва выйдя из тоннеля, отделявшего пляж от гостиницы, она увидела одного из докучливых столичных пижонов, в дневное время околачивавшегося на пляже и время от вре-

мени прилипавшего к ней взглядом, словно мозольный пластырь к пятке.

– İyi akşamlar³, – сахарно начал он и устремился в ее сторону.

Она потупила взгляд и, шаблонно улыбнувшись, ускорила шаг, пытаясь избавиться от непрошенной встречи.

Ухажер пошел за ней следом и тоже ускорил шаг. Он ей что-то говорил по-турецки, но она не понимала ни слова, лишь пытаясь поскорее добраться до входа в отель.

И в том самом месте, где петлявшая между мандариновыми деревьями дорожка распадалась на две тропинки поменьше, он вдруг резко схватил ее и потащил куда-то вправо и вбок, крепко зажав рот рукой.

Она пыталась кричать, но это оказалось не так-то просто. Видимо, этот мужик всю свою жизнь прогрузил чемоданы в аэропорту, потому что хватка у него была просто железной. Она не могла пошевелить губами, даже если бы и очень постаралась.

Грузчик втащил ее во второй корпус через, как она поняла, служебный вход. Они попали в то самое здание, где работал ее напарник. Только с этой стороны корпус напоминал вовсе не пятизвездочный отель, а пораженную радиацией заброшенную больницу.

В считанные секунды ее парализовал страх. Судя по всему, половина корпуса была закрыта для проживания, и то

³ Добрый вечер! (турец.)

ли здесь начали глобальный ремонт, да не закончили, то ли начали что-то пристраивать, да передумали, то ли эта часть здания просто обветшала – неизвестно, что здесь в итоге случилось, да и в принципе неважно было.

Все, что сейчас имело значение, это то, как ей избавиться от человека, который, кажется, до того перегрелся на пляже, что собрался изнасиловать прямо тут. И с учетом всех обстоятельств, это, похоже, не составит ему большого труда.

Он волок и волок ее куда-то, пока не выбрался в то место, где вообще не оказалось стен. Лишь бетонные перекрытия да торчавшая там и здесь арматура напоминали о том, что это, вообще-то, здание, а не заброшенная стройка в какой-нибудь глубинке.

Страх могильным холодом бежал вниз по рукам. Что же делать?

Насильник прижал ее к столбу, одним движением сорвал с нее тонкое пляжное платье и принялся за купальник. Он опять что-то бормотал по-турецки, теперь его интонация напоминала лишь грязные ругательства. Лицо его горело похотью и злобой. Казалось, этот человек совершенно не владел собой.

Она попыталась нанести ему удар в промежность, но промахнулась, за что он притянул ее к себе и крепко вмазал под дых. Из глаз брызнула и рассыпную побегала галактика золотых звезд. Все той же железной рукой он схватил ее за волосы и повернул лицом к колонне.

Вся эта возня проходила довольно тихо, но поняв, что разменян последний данный ей волей случая шанс, она, набрав в легкие побольше воздуха, что есть силы закричала. Мужик, и до того уже разъяренный словно голодный бульдог, собрался вновь ударить ее, на этот раз прямо головой о бетон.

Неожиданно она увидела боковым зрением, что из-за соседних колонн к ней кто-то идет. Откалибровав происходящее, идущий перешел на бег и буквально в три прыжка оказался рядом с ними.

Краем меркнувшего от ужаса сознания она узнала незваного гостя. Им оказался не кто иной, как Делияр Ахматов, ее недавний попутчик.

Насильник, бросив свою добычу у колонны, ринулся наутек, однако толстый потный коротышка и сравниться не мог с ее спасителем, который с высоты своего роста схватив столичного увальня за горло, сцепил на нем руки кольцом.

Вел он себя крайне странно. В то время как любой нормальный мужик давно бы врезал хаму промеж глаз или, в крайнем случае, вызвал бы полицию, Делияр просто держал преступника каким-то странным образом, да так, что тот и пошевелиться не мог.

Бархатные глаза, обрамленные темными ресницами, спокойно смотрели в бегающие крысиные глазки отморозка. И казалось, что от этого взгляда из преступника куда-то к земному ядру утекают все его жизненные силы.

Буквально в считанные минуты коротышка как-то ослаб,

его железные кулаки бессильно повисли вдоль тела. Он стал похож на набитый конским навозом мешок, из которого вот-вот потечет наземь все его содержимое. Еще немного, и он упадет навзничь, но именно в тот самый момент руки захватчика разжались, и он отпустил несостоявшегося насильника на все четыре стороны.

Поняв, что больше его никто здесь не удерживает, мешок с навозом собрал остатки воли в кулак и быстро засеменял туда, где с точки зрения логики, должен был находиться выход. Через секунду он исчез из поля их зрения.

– Как вы? – ее спаситель смотрел с беспокойством.

– Все в порядке, – пробормотала она, – хотя все ее тело сотрясала мелкая дрожь.

Делияр подошел ближе, снял с себя черный льняной пиджак и накинул ей на плечи.

– Как это произошло?

Она сбивчиво начала свой рассказ, но история не клеилась. Слова путались в запятых и точках, и вся ее речь напоминала чавкающее месиво.

Он подошел к ней, обнял и прижал к себе.

– Тише, тише... – бормотал он, уткнувшись ей в волосы.

Она обратила внимание на исходивший от него весьма специфический аромат: смесь лосьона после бритья и какого-то дыма, довольно необычного, скорее, дыма от трав. Загадочным тонким шлейфом к ней тянулся аромат из шалфея, полыни, лаванды и много чего еще.

Этот запах смутил ее. Интересно, что же он тут жег? И как оказался в этом крыле? Заблудился? Сил расспрашивать его об этом уже не было. Вдобавок ко всему он был абсолютно трезв. Неизвестно еще, как отнесется к таким вопросам с пристрастием.

Они простояли так еще минут с десять. Он гладил ее по волосам и бормотал что-то. Его спокойствие постепенно передалось и ей. Дрожь отступила, и она немного отстранилась.

– Наверное, нужно написать заявление в полицию?

– Вы насчет этого мужика не волнуйтесь. После того, что я ему тут наговорил, он вас больше не побеспокоит. А сейчас пойдем, я провожу тебя, – он вдруг по-хозяйски перешел на ты, – сейчас мне нужно кое-куда наведаться.

Проводив ее до номера, он попрощался, взяв с нее слово, что она проведет этот вечер в постели, с книжкой и горячим шоколадом, пообещав заменить во время вечернего номера. Как он собирался заменять ее и одновременно работать, он, однако, умолчал.

Глава 4

Даже самые жуткие ночные кошмары под силу одолеть жаркому южному солнцу. Невольная героиня вчерашнего приключения потянулась и откинула одеяло. Ее белая ночная рубашка отражалась в зеркале.

Она села и свесила ноги с кровати, направив их прямо в тонкие гостиничные тапочки. Затем зевнула и потянулась снова. Как же хорошо оказалось просто выспаться!

Она открыла темные плотные шторы, и солнце, лучи которого тут же нашли потайные пути в ее скромное пристанище, словно говорило о том, что каждый новый день дает нам надежду на новую жизнь, лучшую и полную счастья.

Скинув прямо на пол колючий гостиничный халат, она направилась в душ. В районе солнечного сплетения немного побаливало после вчерашнего нападения. Нежась в ласковых струйках теплой воды, она вдруг вспомнила руки Делияра, так крепко и уверенно обнимавшие ее вчера, внушая чувство вселенской безопасности.

Подумав это, она так встряхнула головой, что с нее слетела пластиковая шапочка. Нет, не нужно думать о нем. Так можно и снова влюбиться, а снова влюбляться в ее планы не входило. Достаточно было того, что жизнь уже наворотила раньше. Самая короткая магистраль мечты – всегда платная, и въездной билет на ее скоростные полосы по карману дале-

ко не всем.

Делияра за завтраком она, конечно же, не увидела. Нужно бы его как-то разыскать и поблагодарить за свое спасение. Если бы ни он, одному богу известно, что бы с ней сделал одержимый маньяк в этом заброшенном гостиничном рудименте.

И кто бы мог подумать! И это пятизвездочный отель! Недостроенная часть была настолько тщательно прикрыта от глаз туристов, что и заподозрить ничего нельзя было.

Какие еще секреты скрывает этот странный отель? Что, если в таинственном крыле живут бездомные или укрываются беглые уголовники?

Так. Этим мыслям тоже нужен вышибала. А то не ровен час, она запугает себя до того, что станет бояться выходить на улицу. Ну подумаешь, заброшенное крыло. Ну нет у хозяйина денег на ремонт, и что? Это лучше, чем обанкротиться, в любом случае!

Собравшись, она на всякий случай положила в пляжную сумку дезодорант и телефон. Если спермотоксикоз ударит туристу в голову снова, на этот раз она себя в обиду не даст.

Возле входа на пляж наблюдалась какая-то возня, собравшая целую толпу зевак. Было любопытно, что же там происходило. Подобравшись ближе, в плотном кольце людей она заметила вчерашнего захватчика. По коже неприятно побежали мурашки.

Она уже собиралась развернуться и пойти обратно, как

вдруг до нее начало доходить, что рядом с насильником стояли охранники из отеля, а в его руках красовался флакон каких-то духов. Рядом не своим голосом блажила толстая тетка, которая вскоре подошла и вlepила ему пощечину со всего размаха.

Не понимая, что же происходит, Наташа подобралась к стоящей неподалеку паре русскоговорящих пенсионеров и осторожно спросила, в чем причина столпотворения.

– Да не понятно особо. Кажется, этот хмырь украл из сувенирного магазина флакон дорогуших духов и собирался подарить девке какой-то. Но не повезло ему. Его поймали на этой краже, и тут как раз и нагрязнула жена с детьми. Он, конечно, пытался ее убедить, что для нее же их и украл, но, судя по визгу, это ему не удалось, – пенсионеры захихикали. – Теперь, как мы поняли, вся компания должна прямо сейчас убраться из отеля, если не хотят угодить в полицию.

Хмыкнув, она пошла в сторону понтона. Так ему и надо. И еще легко отделался. Жаль, что не вызвали полицию. И кто бы мог подумать, примерный семьянин с женой и детьми! И промышляет тем, что ворует духи и насилует баб. Нищерброд чертов.

Расположившись на лежаке чуть ли не посередине понтона, она надела темные очки и стала разглядывать отдыхающих. Сегодня на пляже все дышало теми же молекулами, что и вчера. Казалось, недавний инцидент упал в развалы небытия.

Хотя, стоп, подождите! А это кто невозмутимо лежит, потерявшись в куче отдыхающих? Ведь это же Делияр?!

Появление ее вчерашнего спасителя застало ее врасплох. Она знала, что он никогда не приходит на пляж в это время. Вообще не приходит или же конкретно на этот пляж не приходит, ей было неизвестно. Главное, что она никогда не видела его здесь раньше. Интересно, зачем он сюда приперся сегодня. Хотелось бы надеяться, что не затем, чтобы наблюдать за ней. По позвоночнику побежали мурашки, быстро-быстро.

Решив окунуться в воду и избавиться от нахлынувшей на нее странности, она положила очки на лежак и направилась к краю дощатого настила.

В это время ее окружила небольшая стайка местных парней, предлагая прыгнуть в море с понтона.

Черт, только не это! Делияр сорвался со своего места и ринулся к ним. Он нырял здесь утром, внизу полно ежей! Причем, это были не те крохотные ежи, каких он видел раньше. Этим посланцам из ада позавидовали бы все тропические ежи Индийского океана!

Если она напорется на них, это же будет просто катастрофа! Ее уволят с волчьим билетом и отправят в Москву, в которой ее не ждет ничего, кроме ветра и дождей, ведь на дворе как раз заканчивался сентябрь.

Но все его усилия, казалось, были тщетны. Она и веселая компания уже встали в характерную позу, говорившую ему

о том, что еще секунда, и они все камнем кинутся вниз.

Или, проще сказать, топориком, потому, что нырять она явно не умела, собираясь прыгать вниз ногами!

– Наташа! Стой! Не прыгай туда, стой! – не своим голосом закричал он, взлетая по лестнице на деревянный настил.

Некоторые моменты бывают удачными, некоторые – неудачными, а некоторые – просто запоздалыми. И этот момент был одним из них.

Двух секунд ему не хватило, чтобы уберечь ее от безрассудного шага. Сквозь зеркало воды она летела в воду прямо на ежа, злобно проткнувшего ей ногу насквозь, обагрывая красным изумрудную гладь.

– Идиотка! – громко выругался он и, оббежав понтон левее, спустился в воду по лестнице.

Когда она пришла в себя, то не сразу поняла, в чем дело. Потом вспомнила, что спрыгнув с понтона, напоролась ногой на что-то острое, как нож. Боль пронзила ее насквозь, волна дурноты накрыла ее, лишая сил, а потом все вокруг потемнело.

– Тише, не шевелись, – произнес голос неподалеку.

Постепенно сознание возвращало ее на грешную землю, и она увидела, что лежит прямо на коленях у Делияра, закутанная в пушистое банное полотенце. Окровавленная стопа покоилась на кровати, испачкав простыни. В районе плюсны ногу проткнули шесть игл и вышли насквозь, сделав из нее дырявое решето.

– Что это? – в ужасе закричала она, пытаясь вырваться из его рук.

– Шшшшш... – не двигайся. У тебя в ноге вечерняя прическа жены морского ежа. Ты не вытащишь иглы сама, потому что они все прошли насквозь. Ты зальешь здесь все своей кровью и умрешь. А потомки напишут о тебе триллер. Или же этот монстр оставит тебе в наследство кучу инородных тел и заражение крови в придачу.

– И?

– Я уже вызвал сюда врача, он вытащит иглы. Наверное, правильнее было бы отвезти тебя в больницу в Аланью, но я не уверен, что сейчас тебе нужно именно это.

Она посмотрела на него глазами, преисполненными отчаяния.

– И в самом деле. Ты как будто мысли мои читаешь. Мне не то, что не нужна сейчас эта больница, я вообще не знаю, что теперь делать! Как я буду работать сегодня?! Как буду танцевать?! И... ты уверен, что доктор сделает все безопасно?

– Не переживай, все будет в порядке. Что касается твоей работы, я с этим разберусь и сегодня. А насчет завтра придется подумать.

Она молчала. Постучали в дверь. Пришел, наконец, врач, который, обколов ей ногу обезболивающим, после некоторых манипуляций с точностью ювелира вытащил из нее иглы. Нет, ну ты подумай, и даже крови почти не было!

Видимо, руку он здесь уже набил на вытаскивании этих игл из тел незадачливых туристов. Почему бы просто не вытащить ежей из-под пирса? Но это, видимо, лишило бы его хорошего заработка, поэтому ежи пролежат здесь еще целую вечность, дырвя постояльцев. Она злилась.

Тем временем, врач наложил ей повязку и оставил на столике антибиотики и обезболивающие. И велел, если ухудшится общее состояние, звонить ему в любое время дня и ночи.

Она все так же уютно лежала в руках Делияра, и ничего менять не хотелось. Однако было необходимо.

– Поможешь мне добраться до моей комнаты?

– Конечно. Но завтра перед обедом я зайду к тебе и ээээ... полечу немного, скажем так. Нужно как-то так сделать, чтобы ты смогла вечером работать.

– Я даже не представляю себе, как это возможно. Завтра вечером я должна проводить мастер-класс по латинским танцам. Люди на него за неделю записывались. Если я сорву его, меня тут же уволят, особенно учитывая, что моих туристов уже второй вечер подряд никто не развлекает.

– Почему же никто? А как же лучший на свете аниматор?

Она как-то странно улыбнулась. Потом оглядела комнату, но быстро вернула взгляд обратно, потому что не обнаружила ничего достойного внимания. Комната была как две капли воды похожа на ее, с той лишь разницей, что мебель находилась в ней зеркально. На тумбочке возле кресла она увидела

лишь колоду карт, лежащую рубашкой вверх, четки, пепельницу и початую бутылку коньяка. Кого теперь этим удивишь.

– Надеюсь, ты не заядлый картежник?

– Картежник? В какой-то мере, может быть, и да.

– Хотя мне ты больше напоминаешь неформала. У тебя столько колец на пальцах. Зачем они тебе?

– Тебе это будет неинтересно, – только и ответил он.

Глава 5

Наутро она проснулась от режущей боли в ноге. Как если бы она, пытаясь просверлить в стене отверстие для картины, вместо стены направила дрель в собственную ногу. Хотелось выть, так сильно все болело.

Кое-как сев и дотянувшись до лежавшего на тумбочке обезболивающего, она попыталась открыть блистер с таблеткой, но та упала и предательски покатилась под диван.

Черт! Наталья от злости стукнула кулаком по постели, но удар оказался не совсем удачным и пришлось по деревянному столбику у изголовья кровати. Золотая галактика вновь брызнула из глаз.

Обессилено упав на подушки, она размышляла о том, как будет работать сегодня. Видимо, позорный путь домой уже не за горами.

В этой странной агонии прошло еще часа три, прежде чем ее, измученную болью, с заплаканными глазами, скрюченную на кровати застал Делияр.

Он зашел в ванную, вымыл руки и присел рядом с ней.

– Ну же... ну же... успокойся. Я вот утром на рыночек в город сгонял, кое-чего прикупил. Сейчас мы тебя немного подлатаем. А еще я принес тебе костыль, чтобы ты могла хотя бы в ванную сходить, а не спрыгать.

На ее вопросительный взгляд он не ответил ничего. Лишь

подошел к столику, расположенному у зеркала напротив кровати, достал из белой полиэтиленовой сумки какой-то пакет с мелко измельченной травой, которую высыпал в кофейную чашку. Вскипятив в чайнике воды и долив ее туда же, он, размешав содержимое, склонил голову над зельем и что-то тихо, но довольно оживленно забормотал.

Примерно через полчаса он подошел к кровати и протянул чашку лежавшей в позе эмбриона женщине.

– Вот, выпей. Это успокоит боль.

Даже не спросив, что это, она залпом проглотила противную жидкость. Запах из чашки был просто омерзительным.

А, возможно, столь неприятное впечатление оставлял перегар, резко ударивший в нос.

Тем временем ее самопровозглашенный врач достал из пакета еще какие-то листья, благовония и спички. Обдав кипятком листья, он зажег благовония и поставил их в опустевшую чашку. Затем взял листья и несколько раз пронес над благовониями. После чего поднес к губам, произнося какие-то странные обрывистые фразы.

И в конце этой процедуры, крепко прибинтовав листья к ранам, он закрепил конструкцию стерильным бинтом.

– Вот и славненько. Полежи так пару часов. К вечеру я приду, чтобы снять эту повязку и нанести медицинский клей. Если все пойдет хорошо, сможешь работать сегодня. На всякий случай я купил еще специальную силиконовую

стельку, чтобы подложить в обувь.

Она ошеломленно глядела на него. Нет, он что думает, что эта вот возня с листьями и благовониями способна поднять ее на ноги? Ерунда какая-то! Но сил спорить не было, поэтому она просто согласилась. Хотелось спать.

Вечером он пришел еще с одним белым пакетом в руках. Там были бинты, влажные антисептические салфетки и другие полезности.

Сняв листья и обработав раны, он запечатал их специальным медицинским составом и забинтовал.

– Болит?

Она отрицательно помотала головой.

Взяв с кресла чистый белый носок, он аккуратно натянул его на раненую ногу.

– Попробуй встать. Костыль не бери.

Она была в полнейшем удивлении. Нога не болела. Не болела совсем!

– Но как? – в изумлении спросила она.

– Не благодари. Просто иди на работу сегодня. Уже завтра порезы практически затянутся. Можно будет даже искупаться, только потом нужно обработать ногу. Не волнуйся, песок не попадет, я запечатал хорошо. Только, все же, надень носок на всякий случай. А сейчас мне пора. Нужно еще успеть переодеться, чего-нибудь съесть и бегом на работу.

На следующее утро она, как обычно, не застала его в ресторане за завтраком. Было просто необыкновенно, что каж-

дый раз, когда ты хочешь выразить благодарность, получатель шляется неизвестно где.

Ее состояние иначе, как чудесным исцелением и назвать было нельзя. Нога не болела совершенно, она отработала на ура, а сегодня провела целый день на пляже. Да и раны уже практически затянулись, что было просто невероятным.

После обеда она вдруг подумала, что уже целый месяц находится здесь, но кроме отеля и пляжа так ничего и не видела. Это было просто нечестно: ты находишься в одной из самых красивых стран мира, с богатейшей историей и культурой, но все это бодро проходит мимо тебя. Так и жизнь пройдет, не заметишь.

Отель уютно расположился в небольшой деревушке рядом с красивейшей бухтой, и ближайшие достопримечательности находились в Аланье. Однако после случая в заброшенном корпусе она, откровенно говоря, побаивалась ехать туда одна. Но кто здесь мог ее сопровождать? Уж не этих же похотливых самцов с пляжа просить.

Тогда она в шутку загадала, что пусть судьба сама распорядится, как ей ехать. Если ей одной ехать безопасно, то значит, она поедет. А если нет, то сегодня до вечера она познакомится с какой-нибудь семейной парой и поедет с ними.

Вернувшись с пляжа, она решила принять душ и затем немного прогуляться с фотоаппаратом по побережью. Сегодня было жарко, и закат мог потянуть на сенсацию.

Сняв пляжное платье, она осталась в изящном голубом

бикини. Фигурка у нее была еще вполне симпатичной, не смотря ни на что.

Вдруг ее глаза заволокло пеленой. Она вспомнила, как раньше ездила отдыхать с Алисой и Эдиком. А теперь ездит одна. Два года уже прошло, а сердце никак не успокоится. Видимо, не успокоится оно теперь уже никогда.

Ее взгляд упал на две грязные тарелки на журнальном столике. Откуда они здесь? Ах да, сегодня утром она утащила из ресторана пару пирожных, надо бы отнести посуду обратно. Выносить еду из ресторана не разрешалось, тем более, персоналу. Можно было налететь на штраф, а этого сейчас не очень хотелось.

Она взяла тарелки в руки и открыла дверь. Кажется, ей улыбнулась удача. Гости из соседнего номера что-то заказывали на обед и попросту вынесли посуду из комнаты, водрузив на столик у лифта.

Скорее всего, никто не обидится, если она подложит еще парочку тарелок. Все равно горничной это убирать.

Подумав так, она отпустила дверь и быстро прошмыгнула к столику, надеясь, что никто из зрителей ее вечерних программ не пойдет по коридору прямо сейчас и не увидит ее в таком виде. И тем более, не узнает.

Однако не успела она вернуться обратно, как дверь ее номера с треском захлопнулась. Твою мать! Господи, а еще хотела вынести эти тарелки после душа, завернувшись в одно полотенце.

Но и сейчас дела ее были ненамного лучше. Она стояла посреди пятизвездочного отеля почти голая! Если не считать микроскопического бикини, красовавшегося на ней, да грязноватого белого бинта на ноге.

Что же делать? В лифте должен быть телефон. Нужно позвонить на ресепшн и попросить их принести второй ключ. Юркнув в быстро приехавший лифт, она сдернула трубку с рычага. Не работает!

Она закатила глаза. Ну почему все это происходит именно с ней? Какой-то несчастливый этот отель, ей богу! Почти каждый день здесь бывают какие-то приключения! И ладно бы еще хорошие, а то ерунда одна выпадает. Она заметила еще один телефон неподалеку от своей двери. Быстро метнувшись к нему, она сняла трубку. Господи, и этот не работает! Хотя, чему тут удивляться. Отель, державший прямо под носом у туристов полуразвалившееся крыло, может себе еще и не такое позволить!

Как же ей так попасть в номер, чтобы привлечь как можно меньше внимания? Негоже вечернему аниматору, которого знает здесь уже почти каждая собака, расхаживать по отелю в таком виде.

Заметив, что рядом с ее номером расположена пожарная лестница, она побежала туда. Дверь закрывалась на магнитный ключ, однако сегодня замок не работал. Только ли сегодня? Она рывком открыла дверь и прошла к пожарной лестнице. Балкон в комнате она оставила открытым, и если

удастся перелезть с лестницы, она будет спасена.

Так и есть. Выход к пожарной лестнице преградила широкая решетка. Наталья была женщиной довольно стройной, но уже очень скоро стало ясно, что расстояние между прутьями не позволит пролезть здесь никому шире котенка.

И словно услышав ее мысли, с пожарной лестницы ей ухмыльнулся неизвестно откуда взявшийся упитанный черный кот. Кот выглядел довольным и нагло облизывался всем на зло.

Пару раз безуспешно попытавшись протиснуться между прутьями, она вновь вернулась в холл. Если следовать логике, то на другом конце этажа, возле другого лифта, есть еще один телефон. Хоть бы он работал!

Она даже не бежала по коридору, а просто летела. Голая фурия босиком мчалась к спасительному телефону по дорожному ковру пятизвездочного отеля, поглощавшему эхо шагов, щедро раздаваемому мраморными стенами.

Она почти набросилась на очередной телефон. Если и эта хламида сейчас окажется нерабочей, она богом клянется, что все сайты отзывов об этом узнают.

Телефон податливо выдал гудок. Слава Богу!

Через десять минут возле одиноко сидящей женщины в бикини материализовался молодой паренек со второй магнитной карточкой. Понимающе взглянув на незадачливую гостью, он открыл дверь и впустил ее внутрь.

Приняв, наконец, душ и надев симпатичное шифоновое

платье с пояском, она увидела, что за своей сагой с магнитным ключом потеряла почти целый час. Все, теперь свет ушел, и фотографировать ей будет просто нечего.

Однако она все же взяла фотоаппарат и пошла через туннель к пляжу. Даже если солнце уже зашло за горизонт, все равно можно провести время с пользой. И если она поняла знак правильно, судьба давала ей зеленый свет на одиночную поездку в Аланью.

Она стояла на понтоне, наблюдая за красным диском, который с аппетитом пожирала морская бездна. Вспомнив события прошлого раза, она невольно вздрогнула. Наверное, было лучше вернуться в отель.

Развернувшись, она зашагала по дощатому настилу. Вдруг она увидела, как с противоположной от отеля стороны бредет не кто иной, как ее недавний спаситель.

Выглядел он так, словно целый день самозабвенно выгружал мешки из вагонов. Она хотела было пойти ему навстречу, чтобы поблагодарить за помощь с ногой, но судя по его виду, это могло оказаться не самой лучшей затеей.

Она так и застыла на месте, не зная, куда двигаться.

Лицо Делияра было озабоченным. Сегодняшний день был битком набитым заказами, что с одной стороны было хорошо. С другой же стороны, все эти заказы, как на подбор, были от женщин в разной степени странных. Или же странным был он сам?

О его силе в определенных кругах разве что не легенды

слагали. Он никогда не давал никаких объявлений ни в газете, ни в интернете, и, тем не менее, магия сарафанного радио всегда находила его, где бы он ни был.

И все эти заказчицы, зная, что за эти же самые, ну или почти за эти же самые деньги он мог бы помочь им стать счастливее, богаче, здоровья прибавить, наконец, мудрости жизненной, все они просили лишь одного: приворожить мужика. Силы небесные, зачем?!

Почему каждая из его заказчиц, едва ей понравился какой-то мужичонка, непременно старалась присвоить его на веки вечные?

Почему вместо того, чтобы просто общаться с людьми, имея хотя бы немного терпения, они пытаются действовать даже не методом тыка, а методом танка, подливая так называемому любимому мужчине в питье все, что ни попадя?

На кой черт им сдался он, Делияр? Зачем так портить свою жизнь, когда в его силах им ее исправить?

Эти глупышки жизни не видели дальше своего глупого носа. О нем ходила народная молва, ведь ни один его приворотный обряд не проваливался с треском, что, в принципе могло бы стать обычным делом.

Обычным делом для обычного человека. Но не для того, кто знает, как подготовить подопытного к обряду, и как закрепить все это потом. Не для него.

Такая работа была для него слишком легкой и порядком осточертела. Надоело просить силы, бросать откупы и сво-

дить этих идиоток с мужиками, которых эти же обряды потом превратят в спившихся нищих неудачников.

В глубине души эти люди, видимо, как-то понимали, что неправы в своем решении. Поэтому они постоянно пытались рассказать ему какие-то душещипательные истории про то, что привораживают мужика из мести, что злая разлучница увела кормильца из семьи, что богатый папик выгнал жену с тремя детьми на мороз, а сам стал жить с молодой служанкой, и прочую кучу дрянной лапши вечно валили на его не желавшие все это слышать уши.

Поначалу, будучи еще зеленым юнцом, он как-то пытался отговорить этих царик любви, вразумить, но это было совершенно бесполезно. Они слышали только то, что им слышалось из темных глубин их рваных душ.

Как же все эти телки были скучны! И так одинаковы в своем стремлении присвоить мужика и захомутать его как можно скорее. Они считали себя удивительными, на самом же деле это были просто безмозглые курицы.

У каждой из этих несушек на спине словно горела гигантская красная кнопка с надписью «Хочу». Они как заводные мартышки из детства, бегали с распухшими от эгоизма глазами, пока не ослабнет пружина.

Поэтому однажды он перестал нести свои поучения в массы и стал просто работать. В конце концов, он не мог не работать. Все давно решено за него, это понятно. Это в глазах людей он мощный вершитель судеб. А в руках сил, с которы-

ми работал, он был просто тупой пешкой, пушечным мясом, эзотерической проституткой.

Со временем он стал именно проституткой. Делал за деньги почти все. Хотя, почему же почти? За деньги он делал абсолютно все. И за грани абсолюта уводил тоже. У него уже давно в жизни не было ничего святого, и он брался за любую работу, которую просили сделать, без разложения незримых многочленов на плохое и хорошее, и вынося за скобки все личное.

Почему бы ему тогда не обрабатывать и эти заказы? И ведь пока есть на свете эти бестолковые бабы, у него в кармане всегда будет полно денег. А деньги он любил.

Другое дело Наташа. Она была совершенно необыкновенной. Мягкой и сильной одновременно. Гибкой и стойкой в одну и ту же секунду. И с такой невероятно чистой душой.

Она ему кажется, нравилась. Каждый раз, когда он приближался к ней, хотелось поцеловать ее красиво очерченные губы и зарыться руками в шелковистые светлые волосы. Но он старался держаться от нее настолько далеко, насколько мог. Его липкая душа, перемазанная копотью и дегтем, не должна изгадить эту духовную непорочность, он не мог допустить этого. Никак.

А силы как всегда подсовывают ему ее при каждом удобном случае и неудобном тоже. Вечно с ней что-то приключается, а он оказывается рядом.

Он вдруг очнулся от своих мыслей, поднял голову и прак-

тически прямо перед собой увидел предмет своих размышлений. Она глядела на него так, будто не могла решить, подойти или нет.

– Привет! – Нарочито беззаботно сказал он. – Вижу, ты совсем поправилась. Я еду завтра в Аланью, осматривать старую крепость. Не хочешь прокатиться со мной?

Ляпнув это, он прикусил язык. Крепко же оказалось его решение держаться от нее подальше! Но слова были сказаны, и вернуть их назад он уже не мог. Если не хотел выставить себя полным кретином.

Все еще надеясь, что она откажется, он с нетерпением ждал ответа. И, конечно же, она согласилась. Договорились на десять.

Глава 6

Наутро, отдохнувшая и посвежевшая, известная нам участница недавних отельных приключений облачилась в светло-голубые льняные брюки и белую приталенную тунику. Нанеся на лицо тонкий слой солнцезащитного крема, она довольно оглядела себя в зеркало и спустилась к завтраку.

Ее спутника в ресторане, конечно же, не было. Намазывая на блин варенье из розовых лепестков, она пробежала взглядом по залу. Кое-кто был ей уже знаком, они доброжелательно приветствовали ее, она отвечала им взаимностью.

Просидев в холле почти до половины одиннадцатого, она начала нервничать. Что, если он не придет? Корпоративный автобус отправляется уже через десять минут! Если он уедет без них, кому-то придется платить за такси.

Ровно через восемь минут железный кашалот, расположившийся в углу, распахнул свое чрево, выпустив стайку туристов. Наташа уже начала было чертыхаться с досады, как у задней стенки увидела возвышавшегося скалой Делияра.

Он лениво выдвинулся из брюха кашалота и направился в ее сторону. На нем были простые синие джинсы с потертостями и самая обычная на свете белая футболка без рисунка. На руках и шее как всегда красовались какие-то фенечки, а на пальцах – ряды колец. Однако сегодня в друзья к при-

вычному образу добавились еще и темные очки. А длинные пальцы хозяина образа теребили бутылку холодного чая.

Приблизившись к ней, Ахматов сказал:

– Потороплюсь извиниться за опоздание. Вчера закончился контракт у генерального директора этого заведения, вот мы и посидели чуть-чуть. Практически до восьми утра, правда, вышло.

– Лучше бы поторопился собраться вовремя, – ворчливо пробубнила она, – автобус отправляется уже через две минуты. Бежим!

– Но подожди, бога ради! Зачем нам ехать на этом чертовом автобусе? Почему мы не можем просто вызвать такси?

Она не знала, зачем. Возможно, не хотелось, чтобы он вечно ее спасал, за все платил и отовсюду выручал.

Они примчались на автобусную стоянку, когда водитель уже завел мотор. Едва они влетели в его сложенные гармошкой двери, как незатейливое транспортное средство тронулось.

Усевшись на заднем сидении, обшитом простым дерматином, Делияр открутил крышку у чая и прихлебнул содержимое бутылки.

Она поморщилась. От ее спутника разило свежим перегаром. А в бутылке, похоже, был вовсе не чай. Да уж. Телохранитель у нее, что надо. Голливуд обзавидуется.

Угрюмое ее настроение, тем не менее, рассеялось, как легкая дымка, стоило им только выехать за пределы отеля.

Автобус высадил их на узкой улочке, петлявшей вниз к морю.

– Как будем забираться? – посмотрела она куда-то высоко.

– Если сможешь, пойдем пешком. Так интереснее.

Она чуть было не присвистнула. Это какое же здоровье нужно было иметь, чтобы после всего, что случилось в его жизни прошлой ночью, иметь возможность идти к Аланийской крепости пешком?

Но она и сама была не прочь пройтись, тем более, что нога уже совсем не болела. Делияр тоже заметно приободрился, а значит, нужно было попробовать придать заезженному утру новое начало.

В конце переулка они заметили небольшой магазин.

– Ты не против зайти на минуту? Уж больно хорошо то платье, что надето на манекене. Хочу примерить.

Мысленно пожурив ее за «бабские замашки», он, тем не менее, согласился, но остался ждать ее на улице.

Через десять минут ее голова показалась в дверях.

– А как тебе это? Выглядит, как маленький черный серпентарий, правда?

Он взглянул на платье, и кровь прорвавшейся дамбой схлынула с его лица.

Платье один в один выглядело, как ТО САМОЕ платье. Которое он подарил ей. Наташе. Не этой. Хоть и носила она такое же имя, которое было, мягко говоря, не из редких.

Сглотнув подступавший к горлу ком, он стал провали-

ваться в липкую пучину воспоминаний. Вот стоит она, его любимая девушка, перед зеркалом в змеистом платье с какими-то вившимися спиральками на рукавах, спадавшими на загорелые руки.

Он лежал на кровати и любовался ею. Крепкий девичий стан под этим замысловатым платьем выглядел еще соблазнительнее.

– Давай бросим все и сбежим куда-нибудь вдвоем! Да хоть в Турцию давай поедем! Говорят, осенью там гранаты вкусные, и мандарины тоже. Наедемся до отвала!

– Какой же ты еще подросток, Дел. Ты же знаешь, что папа нас из-под земли достанет. Давай хотя бы институт закончим, а там можно хоть в Турцию, хоть на край земли. И потом, ты же знаешь, с папой лучше договариваться по-хорошему.

Вот такой она всегда и была. Серьезной, рассудительной и уравновешенной. И ей буквально с полуслова удавалось усмирить клокотавших в нем демонов. Только вот одного они не учли тем золотым сентябрьским утром, – того, что край земли наступит уже слишком скоро. Для нее, по крайней мере.

Подступала тошнота. Да уж, если силы за тебя возьмутся, все пути ведут в одну точку. Он еле слышно вздохнул и вдруг осознал, что стоит посреди дороги, вокруг гудят автомобили, а нынешняя Наташа отчаянно трясет его руку.

– Делияр! Делияр, очнись! Ты чего?!

Он рассеянно взглянул на нее, возвращаясь на землю.

– Сними это, – еле слышно пробормотал он.

Половину пути они прошли в полном молчании. Он наблюдал за своей спутницей. Почему он не может понять своего отношения к ней?

Он не любил смазливых вертихвосток. Не любил говорливых и глупых женщин. А эта, судя по всему, была и той и другой, и третьей одновременно, если вспомнить всех этих мужиков на пляже, скользкими взглядами полирующими ее округлую, лоснящуюся от крема и еле прикрытую трусами купальника задницу. Чувство такое, что она нарочно провоцировала их всех, а потом по-детски удивлялась, почему один из них решил поразвлечься с ней в недостроенном корпусе!

При мысли обо всех этих мужиках, вожделевших ее, у него закипала кровь. Хотелось их всех убить! Хотя при взгляде на ее округлости кровь закипала еще быстрее.

И потом эта ее склонность к самолюбованию. Она приволокла с собой маленький штатив, нанизала на него самую дешевую на свете камеру-мыльницу и прилаживала эту конструкцию на каждую поверхность, чтобы себя сфотографировать.

Что она потом собиралась делать со всем этим архивом однойцовых фотографий? Ой, смотрите! Вот это я, с видом на залив. А это я с видом на залив, но корабль на заднем плане уже отплыл. А это я с видом на залив, корабль на заднем

плане уже отплыл, но приплыл другой. Это так потрясюще!

Можно подумать, кому-то было интересно рассматривать терабайты фотографий никому не нужной тетки из никому не нужной поездки с видом на никому не нужный корабль.

Тем временем она подошла к выпуклому зеркалу, призванному предупреждать водителей об опасности на слепом повороте, и наставила камеру прямо на свое отражение. В блестящей зеркальной поверхности он увидел ее ухмыляющееся лицо и себя позади.

– Эй, что ты делаешь? Убери камеру!

Вне себя от возмущения он подошел к ней и вырвал «мыльницу» из рук. В неравной борьбе мыльница выпала и, упав на натертый шинами асфальт, погибла смертью храбрых.

Рядом раздалось приглушенное всхлипывание.

– Что такого я сделала? Я всего лишь хотела интересную фотографию! А теперь что? Ты разбил мою единственную камеру!

– Я куплю тебе новую. А пока что я сам буду тебя фотографировать, – отозвался он.

После чего поднял с дороги камеру-героиню, вытащил из ее растерзанного тела карточку и пренебрежительно швырнул фотоаппарат в ближайшую мусорку.

– Никогда больше не фотографируй меня через зеркало. Никогда, слышишь? И вообще, если ты хочешь подружиться с госпожой удачей, тебе следовало бы перестать столько фо-

тографироваться. Потом, наверное, ты друзей в социальных сетях осчастливить пытаешься этими снимками, так ведь? Судя по тому, сколько «радостей» навалилось на тебя в последнее время, ты у нее не в фаворе, и уже давно.

Они вновь замолчали и поднимались в полной тишине до тех пор, пока не достигли вершины холма, где возвышались руины старого замка.

Как оказалось, Делияр не только суеверный противник фотографий, но еще и потрясающий экскурсовод. Почти два часа он водил ее вдоль крепостных стен, рассказывая про историю крепости с самого момента ее постройки в 13 веке, про жителей, обосновавшихся за высоченными стенами, про пиратов, прятавшихся в Аланье когда-то, и про Оттоманскую империю, наводившую страх на весь мир.

Некоторые моменты казались ей спорными, например, он утверждал, что в крепости 14 башен, в то время, как табличка, заменявшая часового у входа, обещала целых 140. Они так неподдельно увлеклись разгадыванием загадок старинных руин, что и не заметили, как солнце лениво перекатилось на другой бок и наметило свой путь к западной линии горизонта.

– Не устала? – после осмотра артефактов истории он вновь вернулся к тому по-кошачьи ленивому состоянию, в котором она его впервые и увидела. Казалось, их утренние недоразумения растворились, не оставив на прощанье даже осадка.

Она отрицательно покачала головой.

– Я проголодался. Ни крошки не съел с утра. Смотри, какой-то интересный ресторанчик внизу. Заглянем?

Едва они уселись за столик, как к ним подошел официант. Они взяли по порции чечевичного супа и восхитительного салата кысыр от шеф-повара, а на десерт Наташа заказала шарик фисташкового мороженого.

Ей не давало покоя то, что он сказал ей утром. Раньше бы она назвала это предрассудками, которым столько же лет, сколько древним крепостным стенам, окружавшим их.

Но сейчас она стала отматывать ленту воспоминаний назад и призадумалась. Ведь как странно выходит. Она всегда любила фотографироваться. А когда в моду вошли социальные сети, полюбила вдвойне. Всегда приятно утереть нос бывшим одноклассницам, которые в школе уводили у тебя парней. Когда она вышла замуж за Джона Хоггарта, ей не завидовал только ленивый. И она упивалась своим превосходством, с удовольствием фотографируя себя, беременную, во всех ракурсах. Она вспомнила, как не могла налюбоваться на маленькую Алису, когда только стала матерью. Ей хотелось, чтобы и ее виртуальные друзья тоже порадовались этому маленькому комочку радости, свитому в пеленки и перевязанному бантом, словно подарок.

Это и был ей подарок, подарок от Бога, который он дарил всем матерям, кому-то перевязывая голубой лентой, а кому-то – розовой. Алисе было всего три месяца, когда она впервые поняла, что что-то пошло не так. Наверное, Делияр

прав. Не нужно было так обильно делиться с людьми своей радостью.

Все это время, пока она витала в облаках воспоминаний, Делияр медленно попивал кофе и не сводил с нее глаз. Потом вдруг осторожно взял ее за руку. От неожиданности она вздрогнула.

– Расскажи о себе. Почему ты здесь?

– Я? Мммм... Я... домохозяйка. У меня двое детей, и нас недавно бросил муж. Просто выставил за дверь и все, ну, знаешь, как это бывает. Поэтому мне пришлось поехать сюда, чтобы заработать денег. Все просто, никакой мистики.

Она нервно хихикнула.

– Зачем ты мне врешь?

– Почему же вру?

Не говоря ни слова, Делияр встал со своего места и подошел к ней, пристроившись за спиной. Он положил ей руку на спину где-то между лопаток и медленно провел вбок. Потом вернулся, сел и заглянул в глаза, хотя ей показалось, что взгляд этот вонзился ей прямо в душу. Затем он снова взял ее ладонь и зажал в своей.

– Ты не домохозяйка. И никогда ей не была. Ты сейчас и вправду нуждаешься в деньгах. Но не потому, что муж ушел. Не поэтому. Кто-то болел у тебя в семье. Смерть. Я вижу смерть. Раньше все было хорошо, а потом удача отвернулась от тебя.

Она резко выдернула руку, взяла с соседнего стула сумоч-

ку, рывком вскочила и выбежала вон. В розетке с недоеденным фисташковым мороженым осталась плавать вафельная трубочка.

Он подозвал официанта и расплатился, а затем побежал догонять свою спутницу.

Нагнав ее уже у спуска, он вновь схватил ее, не давая пройти.

– Расскажи мне. Расскажи, что случилось. Тебе незачем носить это все в себе. Говорят, облегчи душу, и пройдет. Ну же! Разве после всего, что я для тебя сделал, я все еще не заслужил права называться твоим другом?

Она всхлипывала какое-то время, а потом всхлипывания усилились, пока не превратились в рыдания. На них стали оглядываться люди.

Поняв, что признания сегодня он так и не добьется, он обнял ее, прижав к себе.

– Слушай, а пойдем-ка сходим в Кызыл Куле⁴? Она же совсем рядом.

И не дожидаясь ответа, потянул ее за собой.

Купив билеты, они прошли в укутанную в полумрак башню.

– Как здесь красиво! – вымолвила она почти шепотом.

Они гуляли внутри, поднимались по крутым лестницам, ходили вдоль стен, любовались красотами старого города, пока неожиданно не полил сильный дождь.

⁴ Красная крепость. Достопримечательность города Аланья. (прим. авт.)

Дождь был удивительно редким посетителем в этих краях, и, как и подобает столь долгожданному гостю, пришел с кучей подарков в виде острозубых молний и громогласных раскатов, а также ушата воды, которым щедро окатил незадачливых посетителей крепости.

Пока Делияр и Наташа спустились с крутой лестницы и добежали до ближайшей укрытой кирпичом бойницы, они промокли до нитки.

Бойница оказалась слабым утешением, и продрогшая Наташа, ускользя от мелко бившей ее дрожи, инстинктивно подалась вперед.

Делияр, не силах больше сопротивляться нахлынувшему на него безумию, обнял ее и ласково прижал к себе, легонько касаясь губами ее промокших волос.

И это было именно безумие, о чем он прекрасно знал. Несмотря на все видимые нестыковки, его сильно тянуло к своей спутнице, сильнее, чем он мог предположить. И это было не только то, о чем обычно думает любой мужчина, прижимая к себе красивую женщину. С ней он чувствовал себя очень спокойно и как-то уютно, что ли. Как будто вновь вернулся в свой дом, не видевший его десятки лет.

Все жизненные бури были ему нипочем, пока он вот так стоял, держа ее за плечи. Он уже переживал похожее чувство однажды. С другой Наташей и в другой жизни, но переживал. Еще до того, как жизнь продала ему билеты на свой спектакль из дерьма и грязи, определив в нем роль не зрите-

ля, а самого активного участника.

И это объятие означало лишь одно: если он не остановится прямо сейчас, он вывалит ее в этой грязи вслед за собой.

– Мы должны немедленно убираться отсюда, – глухо пробубнил он, – иначе мы окончательно замерзнем и простудимся. Вот, глотни это, оно поддержит твои силы до горячего душа.

Он расцепил тиски и мягко протянул ей пластиковую бутылку с чаем.

Отхлебнув из горлышка, она закашлялась. Господи! Что тут? Жидкость обожгла ей горло, словно огненной рекой.

Она почувствовала, как сильная ладонь ухватила ее продрогшую руку и тянет к выходу.

– Постой. Я должна тебе кое-что рассказать.

– Давай потом. Сейчас не лучшее время.

– Я знаю. Но если я не решусь сейчас, я не решусь уже никогда. Помнишь, ты сказал мне в том кафе на холме, что видишь смерть рядом со мной? Прости, что хотела обмануть тебя. Я действительно не домохозяйка. И никто не бросал меня с детьми. И смерть действительно очень долго ходила рядом со мной. А может быть, я носила ее внутри себя, словно бомбу замедленного действия, ожидая момента, когда она рванет напалмом, погребая под собой все, что мне дорого.

Он вопросительно смотрел на нее, не шевелясь более.

– Когда-то очень давно у меня был парень. Мы любили друг друга и мечтали о свадьбе, но мои родители оказались

против. Вскоре я поняла, что беременна. Я была вне себя от счастья, казалось, наша любовь будет вечной. Но когда я рассказала ему об этом, он бросил меня. Наверное, в этой истории не было ничего необычного. Я решила оставить ребенка, и когда была на шестом месяце, повстречала Джона Хоггарта, который сделал мне предложение. Я не любила его, но зато он меня любил, и мне казалось, его любви хватит на двоих. Когда родилась Алиса, первые несколько месяцев я жила, как в раю. А потом создатель взял, да и понял, что в рай поместил меня зря. И чтобы исправить свою ошибку, он отдал меня на произвол судьбы. Когда Алисе исполнилось три месяца, я забеспокоилась, что она не гулит, как обычный нормальный ребенок, а все время молчит. И плачет она как-то тихо. Это открытие стало вратами в мой персональный ад. Месяцы мотания по врачам и новые сюрпризы из преисподней. Еще через несколько месяцев оказалось, что девочка не сможет ходить и всю жизнь проведет в инвалидной коляске. И почти целый год никто не мог сказать, что же с ней такое. Мы с Хоггартом лечили ее в лучшей московской клинике, спустили почти все деньги на больницы и бесконечные обследования, врачей и анализы.

– И что было потом?

– Потом... – ее голос начал дрожать в унисон телу. – Потом мы повезли ее за границу, и там-то и обнаружилось, что у девочки редкое генетическое заболевание, которое со временем превратит ее жизнь в кошмар. Врач удивился, как ре-

бенок с таким диагнозом вообще смог родиться. Обычно такие отклонения видно на дородовом скрининге, только я так сильно хотела ребенка, что его не сделала. И теперь моя дочь должна была умереть еще до достижения первого года жизни, понимаешь? Года! – она громко заплакала.

– Послушай, если тебе тяжело говорить, давай отложим этот разговор на потом, хочешь?

– Не могу! Не могу это больше носить в себе. Прошу, выслушай меня. После того, как врачи приговорили моего ребенка к медленной и мучительной смерти, я не находила себе места. Я увидела, что Алиса чувствует себя намного лучше от морского воздуха, и стала возить ее на море. Однажды зимой она переболела воспалением легких, после чего ее здоровье покосилось окончательно. У нее развились какие-то странные приступы, которые происходили примерно раз в полгода. В тот момент с ней могло произойти все, что угодно, и это было так страшно. Я вытаскивала ее с того света, как могла, моля Бога о том, чтобы он дал нам дожить до лета, когда я смогу вновь отвезти ее на море. Она не могла ходить, но могла двигать руками. Я надевала ей на руки специальные рукава и несла ее в море, где мы плавали с ней вдвоем. После такого отдыха еще полгода она чувствовала себя более-менее сносно, а потом все начиналось по новой.

Делияр молча слушал эту исповедь, но глаза его вдруг стали какими-то глубокими и темными. Словно в его собственной душе перевернулся грузовик с мазутом, липко заливая

дорогу прошлого.

– Так все и продолжалось, пока моя девочка, едва отметив свой восьмой день рождения, ни скончалась после мучительной агонии во время одного из приступов. Ее легкие просто отказались принимать кислород, как ее отец однажды отказался принять ее саму. За полгода до этого меня оставил муж. Он сказал, что нервы его больше не выдерживают видеть все это каждый день. Что он никогда не хотел этого ребенка, и согласился на все только ради меня. И что все эти восемь лет меня-то он как раз и не видел. Потому что я все свое время посвящала Алисе, а его забросила. А я-то видела, какой обузой мы обе для него являемся, и всегда старалась как-то разгрузить его. Он приходил с работы уставший, и я не лезла. Старалась почаще забирать Алису из дома, чтобы он не видел ее мучений. Да и вообще никогда не просила его ничего делать по дому, мы со всем этим адом управлялись одни. Вскоре мы стали нищими. Работать из-за ребенка-инвалида на руках я не могла, а зарплаты Хоггарта перестало хватать, потому что расходы были просто космическими. Рос ребенок, росли и расходы. Все больше требовалось лекарств, мазей, уколов, обследований, памперсов и много чего еще. Сначала мы потеряли возможность лечиться в той дорогой клинике, потому что денег на страховку больше не было. Потом мы перестали страховать машины, потому что денег на КАСКО больше не стало. Зато у меня появился целый арсенал разных колясок, потому что носить Алису на

руках я больше не могла из-за ее веса.

Тут она вдруг перестала всхлипывать и улыбнулась.

– Знаешь, однажды я сделала ей на заказ такой симпатичный электромобильчик. Она не могла ходить, но сидела неплохо, я сажала ее на этот велосипедик, и мы ехали в поле. Там я переключивала ее на одеяло, а сама работала на ноутбуке, пытаюсь хоть как-то свести концы с концами.

– А что же твои родители? Они как-то помогали?

– Папа, к сожалению, умер... Почти сразу, как... – она загнулась. – А мама ушла вслед за ним. Я была их единственным ребенком, так что и разгребать все эти авгиевы конюшни мне пришлось самой. Ничего не могу сказать плохого про Хоггарта, после своего ухода он щедро снабжал нас деньгами, в рамках того, что мог, конечно. Сложно обвинять человека, который и так столько лет прожил с ненужным ему чужим ребенком. Мои подработки в интернете тоже приносили какие-то деньги, так что жаловаться здесь было не на что. А к очередям в поликлиниках и бесконечным сборам кучи справок мы просто привыкли.

Вдруг ее взгляд остекленел под грузом этих воспоминаний. Мышцы лица застыли как вода в сильный мороз, покрываясь льдом. Слезы высохли, запечатывая мимику в гипсовую маску. Несколько минут она простояла так, не в силах пошевелиться.

Потом, словно с трудом разлепив губы, она прошептала:

«И зачем только я тебе все это рассказала. Сама не знаю, что на меня нашло. Я не привыкла жаловаться. А тут, словно в сопливой мелодраме, взяла на тебя все, да и вывалила.

Она попыталась высвободить руку, все еще покоившуюся в его ладони. Как вдруг сильным движением он потянул ее к себе, и она, словно резинка, вновь оказалась у него на груди. Неистово схватив ее, он начал покрывать поцелуями ее лицо, а затем впился в губы, сливаясь с ней в каком-то животном порыве.

Потом он схватил ее на руки, перекинул через плечо, словно ковер, и поволок прочь из башни. Едва они оказались на улице, он поймал такси, и уже через пятнадцать минут они были в отеле.

Они со всех ног бежали к его номеру. Едва закрыв за собой дверь и повесив на ней табличку «Не беспокоить», они ринулись под обжигающие струи воды. Срывая друг с друга остатки одежды, они швыряли ее прямо на кафельный пол.

А потом целый вечер и еще полночи предавались забвению на хрустящих белых простынях двухметровой кровати.

Глава 7

Проснулась она от какого-то странного чувства. Рука лениво проехала по белому хлопку, но не нашла ничего, кроме остывших простыней.

Она чуть приподнялась и облокотилась на подушку. Плотная штора была сдвинута набок, и когда глаза привыкли к темноте, она увидела его силуэт. Он сидел на балконе, завернувшись в халат, словно в кокон, и курил.

В темноте он выглядел, будто греческий Бог, только что сошедший с Олимпа. На нем не было ни грамма жира, он был, скорее, худощав, но при этом широкоплеч, а руки не скрывали близкого знакомства со спортивными снарядами.

На невзыскательном пластиковом столике рядом с ним красовалась початая бутылка коньяка, которую он опустошил почти на две трети.

Он был таким притягательным и таким непонятным одновременно. В постели он был невероятно техничным и столь же невероятно чужим. Он знал, как доставить женщине удовольствие, и это лишь подтверждало ее догадки о куче поклонниц, обивавших пороги Олимпа. А когда они оказались с ним в этой реальности, его словно подменили каким-то чужаком.

Опытным, умелым, да. Но все равно чужаком. Он как будто физически был с ней, но душой улетел куда-то еще. Или

к кому-то еще. Кто же теперь разберет.

Она тоже завернулась в кокон и протиснулась сквозь балконную створку.

– Не спишь? Позволишь, я присяду здесь?

– Будешь? – он кивком указал на початую бутылку.

Приняв ее молчание за согласие, он принес второй кофейный бокал.

Все это время он просидел молча, вглядываясь куда-то вдаль. Когда бутылка была допита, он сказал:

– Признаюсь, я впервые в жизни выпроваживаю девушку посреди ночи, но тебе больше нельзя здесь оставаться.

– И я тебе признаюсь: я никогда не навязывала свое общество никому, но все же, мне любопытно, почему мне нельзя остаться? Ты ждешь кого-то еще? Не мое дело, конечно, просто... интересно.

– Нет, никого я не жду. Но, черт возьми, мы не должны были делать того, что сделали. Какой же я олух! Не смог устоять перед твоей красотой.

– Ты говоришь, словно средневековая девственница. На дворе 21 век, и твой пояс целомудрия давно заржавел. Что такого, если два человека понравились друг другу и провели ночь вместе? Почему мы не должны были делать этого? Нас что, мама отругает? Учитель двойку поставит, что?!

– Не кипятись. Дело не в тебе и даже не в учителе. Просто я... Как бы тебе это объяснить. Я не лучшая для тебя компания.

– Ничего себе! То есть, все это время ты был лучшей компанией и вдруг на тебе. Просто скажи, что тебе не понравилось, нечего сочинять невесть что.

Она нервно вскочила и попыталась просочиться через балконную створку в комнату. Но балкон был слишком уж экономического класса, поэтому ее спутнику не составило труда тут же ухватить ее за руку.

Он встал, слегка пошатываясь, из-за столика и приблизился к ней вплотную, втиснувшись в несчастный дверной проем. Его лицо было в сантиметре от ее, руки обвили плечи, а бедра вжимали тело в дверную коробку.

Два самых первых свидетеля нового дня стояли безмолвно, их дыхание было прерывистым. При этом два бархатных глаза смотрели на нее как-то грустно.

– За всю мою жизнь мне только однажды все так нравилось, как сейчас. Было это на заре сотворения мира, и счастье мое закончилось вместе с модой на пояса верности. Раньше все было неважно, не лучшей компанией я стал для тебя после того, как... – он запнулся. И вдруг грусть в его глазах сменилась ленцой, плавным движением он запустил руку под пушистые ворсинки ее халата, нащупывая каждый изгиб тела длинными пальцами, обвитыми холодным металлом. Его губы встретили ее, халат оказался на кафельной плитке, а они медленно переместились обратно на простыни двухметрового ложа.

Выпустив ее из рук некоторое время спустя, он сказал:

«Именно это я и имел в виду. Тебе нельзя здесь больше оставаться, – он вновь поцеловал ее. – Не загоняй меня в угол... Черт! Да просто потому, что я погублю тебя, дурочка».

С этими словами греческий бог поднялся, подобрал с пола свой халат, собрал разбросанную по полу в ванной ее мокрую вчерашнюю одежду и сложил в пластиковый мешок для стирки. Потом накинул первые попавшиеся джинсы и футболку и вышел, наотмашь хлопнув дверью.

Следующие два дня она его не видела. Кажется, он даже не выходил на работу, хотя его никто и не искал. Это значит, что его исчезновение сюрпризом было только для нее.

Она чувствовала себя глупо. Вел он себя в высшей степени странно. Хотя, чего же странного в том, что мужик с тобой переспал и, выдумав какой-то нелепый предлог, благополучно свинтил?

Не нужно было ему рассказывать про Алису, не нужно! Никому не нужно, и особенно ему! Она не имела привычки делиться с людьми своими бедами, понимая, что чужие проблемы и чужое горе никогда не заденут струн души малознакомых людей и не сыграют на них ту мелодию, которую ты хочешь услышать.

Это только кажется, что твои проблемы и твое горе особенные. Только кажется, что никто не знал никогда ни таких проблем, ни таких бед.

На самом же деле жизнь всех людей очень похожа. Они все хотят от нее одинаковых вещей. И беды у них тоже оди-

наковы. Просто затрагивает оно каждого в свое время. Хотя и не всем выпадает та же безумная участь, что ей.

Но даже в этом случае она не первая и не последняя, кто потерял ребенка. Лишь для нее все это – большое горе. А для чужого человека – всего-навсего досадный эпизод, угрожающий утреннему пищеварению, мимолетный случай, который нужно поскорее забыть. Именно поэтому люди направо и налево раздают бесплатные советы о том, что нужно просто жить дальше. Словно и в самом деле понимают, о чем идет речь.

Нужно уметь не отливать в чужие души фактуру своих мыслей. Не так уж и нужны кому-то людские откровения, которые все только портят. Поэтому и поклонник ее, едва сообразив, как застегнуть ширинку, растворился в тумане, не передав привета.

Что же, будет ей уроком.

А пока о досадной откровенности придется просто забыть. Хотя и не хотелось.

Она злилась сама на себя. Да что она в нем нашла, вообще?! Какой-то бывший, возможно, наркоман, балующийся с какими-то травками и возомнивший себя знахарем, не выпускающий горлышка бутылки изо рта, на кой ляд он ей сдался? Может, раньше он и был ничего, а теперь это просто никчемный алкаш и ничего более!

Подумав это, она с улыбкой вспомнила, что алкаш алкашом, а в постели при этом выдавал такую акробатику, что

позавидует кто угодно.

Щеки ее зарделись пунцовым. Она надела шорты и свободную футболку, собираясь спуститься вниз. Если сейчас она не прибудет на завтрак, то ресторан закроется, и она останется голодной!

Она уже доедала традиционные блинчики с кленовым сиропом, как почти кожей почувствовала, что за спиной у нее кто-то стоит. Подскочив на стуле, она увидела Делияра. Что он здесь делает?

Сжав ее руку в своей, он пробормотал: «Какую же непростительную ошибку я совершаю. Но я не могу вот так вот здесь ходить рядом с тобой и делать вид, что ничего не произошло. И как я вижу, ты тоже этого хочешь... хочешь быть со мной. Приходи завтра вечером в одиннадцать в закрытое крыло второго корпуса, я тебя там встречу».

Заинтригованная, она спросила: «Но зачем? И почему завтра?»

– Лучше бы нам встретиться сегодня, – ответил он и выпустил ее руку, – но я должен быть безоблачно трезвым, а это невозможно, потому что пью я уже пятый день к ряду.

Так и не объяснив, что он имел в виду, он оставил ее один на один с недоеденным блинчиком и кучей мыслей, роившихся над ним.

Закончив смену, она надела самые неброские вещи из имеющихся и аккуратно, стараясь не привлекать лишнего внимания со стороны то и дело снующих по тропинке под-

выпивших постояльцев отеля, шмыгнула в недостроенный корпус через ту же самую дверь, в которую ее не так уж и давно заволок турецкий ловелас.

Как же ее угораздило прийти сюда без фонарика и даже без телефона? Хотя о чем она говорит, фонарика с собой она даже не привезла.

Продвигаясь вглубь корпуса, она пугалась все больше и больше. Редкие лампочки почти закончились, и черное чрево недостроенного корпуса засасывало ее в глубь своих темных внутренностей.

Она чувствовала себя полной идиоткой. Ну надо же было столь слепо довериться мужику, с которым ты всего-то на всего пару раз переспала, чтобы переться в это зловещее место одной!

Она практически ничего не видела в темноте и передвигалась почти на ощупь. Еще немного, и она потеряет ориентацию и заблудится. Ее охватило отчаяние.

Вдруг она совершенно отчетливо поняла, что в ее сторону кто-то идет. Она почувствовала, как воздух колыхнулся от едва различимого движения. Мелкие волоски на руках поднялись дыбом.

Скажи себе, ну, пожалуйста, скажи, что это всего лишь Делияр, а не какой-нибудь очередной уголовник или бомж, поджидающий свою доверчивую добычу в потемках, ну скажи!

В это время она услышала знакомый голос где-то рядом

с собой: «Не пугайся, я рядом. И спасибо, что все-таки не побоялась прийти».

Еще с минуту она послушно шла за ним. У него в руках также ничего не было, но она не могла не заметить, что он прекрасно ориентировался в дебрях этого заброшенного корпуса, как будто часто здесь бывал.

Вдруг они завернули за угол, потом еще раз свернули куда-то и, наконец, ее взору предстала еще одна недостроенная комната.

Ее стены обрамляли голые кирпичи, сцепленные грубым цементом между собой. Посреди комнаты стоял двойной полукруг из толстых белых свечей.

– Прошу тебя, ничему не удивляйся из того, что здесь увидишь. И, главное, ничего не бойся. Обряд, который я собираюсь провести, не причинит тебе вреда. Это стихийный обряд, он безопасен и совершенно нейтрален. Просто сиди и ничего не говори. Это необходимый минимум, который должен тебя защитить, пока ты рядом со мной. И самое главное, ты не должна разговаривать. Просто сиди молча. И пока не задавай никаких вопросов. Я сам тебе все объясню. Немного позже.

– Можно только один вопрос?

– Давай, но быстро.

– Что такое стихийный обряд?

– Если кратко, то обряды бывают разные. Они нужны практику для настройки и еще для призвания в помощь раз-

личных сил. Есть обряды светлые, но есть и те, которые призывают так называемые темные силы. Эти обряды очень опасны. Также есть те, которые работают с силами природы и их стихий: огня, воздуха, земли и воды. Такие силы называют нейтральными, а обряды – стихийными.

Жестом он пригласил ее пройти внутрь полукруга. Сам же он разжег небольшой костер в специально приготовленном железном барбекю на колесиках, неизвестно откуда оказавшимся здесь.

Надев какую-то тонкую белую рубашу, напоминавшую кофеворотку, он положил футболку на стоявший неподалеку складной стульчик.

Вскоре он распустил схваченные резинкой волосы, и черные пряди разлетелись по его плечам. Медленно, один за другим, он снимал с пальцев кольца, оставляя их на том же стуле, где лежала футболка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.